

Посвящается Никки, Сэми и Тори

От автора

Воспоминания разных людей, словно фрагменты головоломки, не всегда совпадают точно. Я сделал все возможное, чтобы совместить разрозненные части этой запутанной истории с максимальной аккуратностью. При написании диалогов я опирался на следственные документы и отрывки из показаний, которые брали у участников описываемых событий в течение двух лет. Наконец, из соображений конфиденциальности я решил изменить имя Лары Уотсон.

Пролог

Три сестры.

Ныне взрослые женщины.

Все живут на северо-западе Тихоокеанского побережья.

Старшая, Никки, — в богатом пригороде Сиэтла, в роскошном доме с паркетными полами и суперсовременной мебелью. Ей слегка за сорок, она замужем и воспитывает прекрасных детей. Достаточно взглянуть на семейные фотографии в гостиной, чтобы стало ясно: им с мужем удалось построить для себя прекрасную жизнь, создать преуспевающий бизнес и сохранить верные нравственные ориентиры.

Но достаточно одного слова, чтобы для Никки ожил былой кошмар.

«Мама».

Она вздрагивает каждый раз, когда слышит его — слово, которое словно когтями скребет ей по сердцу, пока не потечет кровь.

Если не знать, что ей пришлось пережить, догадаться просто невозможно. Собственно, этого никто и не знает, за исключением ближайших родственников. И дело не в том, что она умело притворяется, а в ее невероятной стойкости. То, что случилось с Никки, сделало ее сильнее. Превратило в ту невероятную женщину, которой она является сегодня.

Средняя дочь, Сэми, недавно вновь поселилась в их родном прибрежном городке в штате Вашингтон, где все и случилось. Ей слегка за сорок, и она преподает в местной начальной школе. У нее выющиеся волосы и отличное чувство юмора. Юмор — ее оружие. И был им всегда. Как и у старшей сестры, дети Сэми олицетворяют собой все, о чем только может мечтать мать. Они умные и решительные. И очень любимые.

Когда по утрам Сэми принимает душ, перед тем как отправить детей в школу и самой убежать на работу, она не ждет ни секунды, чтобы дать воде нагреться, а сразу ныряет под ледяные струи. Как Никки, Сэми накрепко привязана к прошлому. И не может избавиться от него.

Не может забыть.

Младшая сестра, как и старшие, настоящая красавица. Тори, роскошной блондинке с непокорным нравом, только-только исполнилось тридцать. Она живет чуть дальше, в Центральном Орегоне, но поддерживает тесные отношения с сестрами. Испытания, которые они вместе прошли, навеки связали их вместе. Несмотря на молодость, Тори построила прекрасную карьеру и сейчас ведет онлайн-проекты одного из главных игроков в отельной индустрии. Ее посты в социальных сетях, личных или рабочих, невозможно читать без улыбки, а то и искреннего смеха.

Конечно, она всего добилась сама, но без сестер вряд ли бы справилась.

Если вдруг в супермаркете, в отделе хозяйственных товаров, ее взгляд падает на полку с отбеливателями, она поспешно отворачивается. Ей невыносимо на них смотреть. Невыносимо вдыхать их запах. Как и сестер, ее могут выбить из колеи самые обычные вещи — скотч, обезболивающие, звук работающей газонокосилки, — возвращающие их во времена, когда мать творила с

ними вещи, которые они поклялись навечно сохранить в тайне.

Они выжили, и это неразрывно связало их вместе. И пусть отцы у них разные, они на сто процентов родные сестры. Не просто единоутробные. Это родство было единственным, на что сестры Нотек могли полагаться, и единственным, что мать не сумела у них отнять.

И оно спасло им жизни.

Часть первая

МАТЬ

ШЕЛЛИ

Глава первая

Есть такие города, история которых начинается с крови и предательства. Бэттл-Граунд в штате Вашингтон, в двадцати милях к северо-востоку от Ванкувера, на границе с Орегонем, — один из них. Он назван в честь печального инцидента с участием индейцев из племени Кликитат и американской армии. Индейцы, не желавшие сидеть в заточении в бараках, требовали освобождения и были готовы уступить свои территории, но во время мирных переговоров прозвучал выстрел. Индейский вождь, Умтух, погиб.

Город, построенный на землях, отнятых силой оружия и ложных обещаний, как нельзя лучше подходил для Мишель «Шелли» Линн Уотсон Ривардо Лонг Нотек.

Ведь на тех же основаниях она строила собственную жизнь.

Для тех, кто жил там в 1950-х, Бэттл-Граунд был образцовым американским небольшим городком с прекрасными школами, добродушными соседями и лигой боулинга, устраивавшей соревнования по пятницам и субботам. Мужья много работали, чтобы позволить себе дорогую машину и хороший дом. Жены в основном занимались хозяйством и воспитывали детей; некоторые со временем возвращались на работу или возобновляли

учебу в Колледже Кларк, чтобы реализовать планы, от которых их отвлекли семейные заботы.

Если кто в Бэтл-Граунд мог претендовать на звание завидного жениха, так это отец Шелли.

Ростом под два метра, широкоплечий, Лес Уотсон, лучший выпускник местной старшей школы и футбольная звезда, пользовался в городке огромным успехом. Все его знали. Он был умен, умел очаровывать, прекрасно говорил и считался мастером соблазнения. Красавчик Лес, мечта каждой девушки. Совместно с матерью он владел и управлял двумя домами престарелых, а еще имел в личной собственности боулинг на десять дорожек с баром на двенадцать посадочных мест.

Тем самым, куда в 1958 году пришла работать Лара Столлингз. Она только что закончила старшую школу в Форт-Ванкувер и теперь подавала гамбургеры, чтобы накопить на колледж. Девушка собирала светлые выющиеся волосы на макушке в высокий хвост, который задорно подпрыгивал, когда она разносила заказы. С блестящими голубыми глазами, Лара была настоящей красоткой. И умницей. Позднее она не раз повторяла, что сама не знала, что делает, когда согласилась сначала встречаться, а потом выйти замуж за Леса Уотсона.

Лес был старше ее на десять лет, но солгал невесте, которой еще не исполнилось двадцати, что между ними всего четыре года разницы.

«Он поймал меня в свои сети, — говорила Лара много лет спустя, сожалея о сделанном тогда выборе. — Подцепил на крючок, завлек обманом. Он был совсем не тем, кем казался».

Возвращение в реальность произошло в тот день, когда она завернула волосы французским узлом — как Типпи Хедрен в «Птицах» Хичкока — и официально вступила в брак с Лесом в ходе гражданской церемонии в своем родном Ванкувере в 1960 году. Присутство-

вали только родные Лары, хотя ее родители возражали против этого брака. У Леса имелись веские причины не приглашать никого из своих.

Они знали, что будет дальше.

Когда на следующее утро зазвонил телефон, трубку подняла Лара. Звонила первая жена Леса из Калифорнии.

— Когда вы приедете за этими чертовыми детьми? — прошипела Шэрон Тодд Уотсон.

Лара не поняла, о чем идет речь.

— Что?

Лес никогда не говорил ей, что обещал Шэрон забрать у нее детей: Шелли, Чака и Пола Уотсонов. Такая забывчивость была для него вполне типична, и теперь Лара понимала, что ничего уже не исправить и что опасения ее родителей подтверждаются.

После того утреннего звонка Лес объяснил Ларе, что его бывшая жена, Шэрон, не может растить детей: она алкоголичка и страдает депрессией. Лара сделала глубокий вдох и кивнула головой. Да и что, собственно, она могла возразить? То были дети ее мужа, и она понимала, что должна их принять.

Но это оказалось непросто. На момент приезда Шелли было шесть лет, а Чаку едва исполнилось три. Лара взяла на себя роль мачехи; младшего сына, Пола, который был еще слишком мал, Шэрон решила оставить себе. Шелли оказалась очень хорошенькой девочкой с большими глазами и пышными волосами темно-рыжего оттенка. Однако между ней и ее братом творилось что-то странное: Чак все время молчал, и за него говорила Шелли. Ларе показалось, что она полностью контролирует мальчика.

Когда Шелли немного обвыклась в новой обстановке, то начала постоянно жаловаться, а потом возмущаться.

«Она каждый день говорила мне в лицо, что меня ненавидит, — вспоминала Лара. — Я не шучу. Честное слово, ежедневно».

Шэрон Уотсон вернулась домой в Аламиду, Калифорния, оставив двоих старших детей с Ларой и Лесом осенью 1960 года. Уехала и пропала. Она никогда не звонила и не присылала открыток на дни рождения Шелли и Чака. Не поздравляла с Рождеством. Мало что в глазах Лары могло оправдать такое отношение «с глаз долой — из сердца вон» к собственным детям, но, судя по всему, его корни уходили во времена задолго до того, как мать Шелли вышла замуж за Леса Уотсона, а потом с ним развелась.

«Она была из неблагополучной семьи, — рассказывала Лара о первой жене Леса. — Ее мать выходила замуж то ли пять, то ли семь раз, и она была ее единственным ребенком. Вроде бы ее сестра-близнец умерла при родах. Уж не знаю, правда это или нет, но мне так рассказывали».

Вне зависимости от того, что к этому привело, у Шэрон, помимо алкоголизма, имелись и другие проблемы, тянувшие ее на дно. Она вела опасную жизнь; родные поговаривали, что Шэрон подрабатывает проституцией.

Наконец, весной 1967 года Уотсонам в Бэттл-Граунд позвонили из департамента шерифа округа Лос-Анджелес. Детектив сообщил, что Шэрон убили в номере дешевого мотеля, и коронеру нужен кто-то, кто сможет опознать тело и забрать ребенка, ее младшего, Пола.

Лес не хотел ехать за сыном, зная о его психических проблемах, но Лара настаивала. Она считала, что так будет правильно. В конце концов они отправились в Калифорнию забрать его и опознать тело Шэрон.

Лес сообщил Ларе все, что узнал в полиции и у коронера.